Graham L. R. What Have We Learned About Science and Technology from the Russian Experience? Stanford: Stanford University Press, 1998. — 177 p.

Очередная книга о российской науке профессора Гарвардского университета и Массачусетского технологического института Л. Грэхэма — явление одновременно и рядовое, и неординарное. Рядовое — именно потому, что эта книга — далеко не первый, а очередной труд о науке данного автора, которого с полным основанием можно назвать ее лучшим зарубежным знатоком (эмигранты и полуэмигранты — не в счет), а если позволить себе некоторую долю фамильярности, то и «лучшим другом». Неординарное — ввиду того, что, как это ни прискорбно, интерес в мире и к нашей стране, и к ее науке явно снижается, и Л. Грэхэм — один из немногих, кто по-прежнему сохраняет ей верность.

Цель автора, впрочем, состояла не в том, чтобы напомнить о российской науке зарубежному читателю, и не в том, чтобы блеснуть эрудицией, которая могла бы составить честь и любому отечественному знатоку ее истории. Его главное намерение, которое он акцентирует во вводной части книги и выносит в ее название, состояло в том, чтобы на материале российской истории определить меру зависимости науки от общества, прояснить социальные факторы, влияющие на ее развитие. При этом в книге отдается должное и современным проблемам российской науки, которая в своей нынешней борьбе за выживание не только вызывает сочувствие зарубежного науковеда, но и формирует широкое аналитическое поле для решения поставленной им задачи. Вообще книгу Л. Грэхэма отличает взаимопроникновение и взаимообогащение двух исследовательских интересов — к истории и современному состоянию российской науки, которое задает широкую — межвременную и междисциплинарную перспективу анализу, а также делает эту историко-научную в своей основе работу крайне злободневной. Оно запечатлено и в названиях глав: «Является ли наука социальной конструкцией?», «Оказывают ли наука и техника вестернизирующее воздействие?», «Устойчива ли наука к стрессу?»*, «В какой мере ученые готовы реформи-

ровать свои институты?», «Кто должен контролировать технологическое развитие?», которые создают ясное представление о том, чему посвящена книга и насколько важны обсуждаемые в ней вопросы. Симптоматично и то, что, как нетрудно заметить, название каждой главы, равно как и название книги в целом, заканчиваются вопросительным знаком, и это закономерно: во-первых, работа посвящена именно проблемам, а не изложению давно известного, во-вторых, стиль автора — это аналитический стиль научной дискуссии, а не уверенных и жестких констатаций, которые так любят наши историки.

Но настало время пояснить и замысел рецензента, который взялся написать отклик на книгу Л. Грэхэма не для того, чтобы высказать ей заслуженные комплименты, а для того, чтобы применить к ней тот же прием, который ее автор осуществил по отношению к российской науке — использовать в качестве объекта для осмысления отношений между наукой и обществом. И в этом плане восприятие происходящего в нашей науке, особенно таким исследователем, как Л. Грэхэм, который, с одной стороны, прекрасно знает ее, с другой — является представителем иной культуры и выразителем свежего взгляда на привычные для нас вещи, служит хорошей точкой отсчета для развития затронутых в книге сюжетов.

Один из таких сюжетов, трактуемых Л. Грэхэмом очень необычно для наших дней, — влияние на российскую науку марксизма. Следует отметить, что в этом вопросе мы проделали очень характерную для российского менталитета эволюцию, впад из одной крайности в другую — сменив отношение к марксизму как к иконе на отношение к нему как к еще одной чуме XX в. Правда, советский вариант марксизма мы нынче отрицаем тоже по-советски — как некогда отрицали проституцию или наркоманию, и забывая, что он был не только «догмой», «руководством к действию» и т. п., но и стилем мышления, основанным на экономическом детерминизме, в рамках которого обще-

* Эта глава книги Л. Грэхэма была опубликована в нашем журнале (см.: ВИЕТ. 1998. № 4). — *Ред.*

ство, по существу, сводится к его экономике, а экономика видится не как система экономического поведения людей, а как совокупность стандартных траекторий движения денег и товаров. Подобный стиль мышления, который К. Мангейм считал главным атрибутом социалистического сознания, нашим «младореформаторам», не перестающим обличать марксизм, свойствен не меньше, чем его правомерным адептам, свидетельствами чего могут служить их небезызвестное кредо «рынок все сам расставит по своим местам», а также их научные труды, такие как новая книга Е. Гайдара «Аномалии экономического роста» (М., 1998), где комплексные социальные явления объясняются только экономическими причинами.

Из всего этого проистекает явная целесообразность расширения временной перспективы, в пределах которой автор рассматривает влияние марксизма на российскую науку — целесообразность оценки не только того, как он повлиял на науку, но и того, как он влияет, ибо это влияние не осталось в советском прошлом. Отсюда же — и большое значение данного вопроса, оттеняющее необычность решения, которое дает автор. По мнению Л. Грэхэма, подкрепляемого результатами опросов, причем не специфических отечественных обществоведов, а вполне интернационально мыслящих отечественных естествоиспытателей, марксизм как методология научного познания оказал на них немалое позитивное воздействие, по абсолютной величине вполне сопоставимое с его негативным влиянием в качестве идеологии. Автору, конечно, можно возразить, что утверждения, которые предъявлялись естествоиспытателям в качестве выражающих суть марксизма, — о том, что мир материален и может быть описан в терминах материи и энергии, что он образует единое целое и т. п. (р. 13–14), — это лишь ассимилированные марксизмом фрагменты предшествовавших ему философских учений, и они не специфичны для него, разделяются любой современной философией и вообще сейчас звучат так тривиально, что ассоциируются не столько с марксизмом, сколько со здравым смыслом. Но, в конце концов, это не имеет большого значения, и в связи с поставленной автором пробле-

мой важно не то, каков марксизм и где он позаимствовал свои ключевые утверждения, а то, что многие уважаемые представители российской науки, причем настоящей, а не такой, как научный коммунизм или история КПСС, высказываются о марксизме вполне уважительно, отмечая его формирующее влияние на их мышление.

К высказанным Л. Грэхэмом соображениям можно добавить, что если диамат не устарел потому, что его ключевые утверждения очевидны в своей правоте, универсальны и применимы любым познающим обществом, то истмат современен по обратной причине — потому, что распространим лишь на беспокойные общества, переживающие классовые антагонизмы, а современное российское общество именно таково. И действительно, все происходящее в нем — от формирования того, что политологи называют «двумя нациями» («новые русские» и все остальные), до отсутствия среднего класса, который служил бы амортизатором их трений, и такого распределения собственности, прежде всего на сырьевые ресурсы, при котором львиную долю доходов получают 1–2 % населения, а основная его часть обречена на регулярное неполучение и без того нищенских зарплат и пенсий — прямо-таки вопиет об описании в терминах классовых антагонизмов. И только отсутствие моды на марксизм и пока еще сохраняющаяся идеосинкразия на его идеологический фон побуждают наших обществоведов избегать марксистских категорий, подбирая им не столь резко звучащие, но аналогичные по смыслу эквиваленты. Л. Грэхэм показывает, что марксизм сыграл неоднозначную роль в истории нашей науки, попытки искусственно «спрямить» это влияние не менее идеологизированы, чем сам марксизм, и сильно искажают реальность. Развивая эту позицию, смело можно добавить, что и слухи о кончине марксизма сильно преувеличены, его призрак по-прежнему бродит по Европе, по крайней мере по Восточной, он продолжает себя проявлять и как стиль мышления, и как философская методология, а в нашем обществе имеет все шансы на возрождение и в качестве идеологии.

Другое не менее поучительное наблюдение автор делает, озадачившись весьма

российской, но от этого не утрачивающей интернационального значения дилеммой: что важнее для науки — свобода или деньги? И здесь действительно трудно не обратиться к опыту российской науки, поскольку наше общество поставило над нею уникальный эксперимент, в советское время лишив ее свободы, а в постсоветское — денег. Приводя длинный список репрессированных ученых, Л. Грэхэм тем не менее приходит к выводу: «российский опыт учит ... что деньги для науки важнее, чем свобода» (р. 73), добавляя, правда, что «для науки еще лучше, когда у нее есть и свобода, и деньги» (р. 73). Отметим, что это — позиция, очень необычная для представителя американской культуры, который к тому же подчеркивает, что демократические принципы самоценны, а не оцениваются, как у нас, каждым гражданином в зависимости от того, что их воплощение в жизнь дает ему лично. И здесь трудно удержаться от предположения о том, что если даже свобододолюбивый человек признает, что деньги для науки важнее, чем свобода, то, наверное, так оно и есть. И не удивительно, что проводимые у нас опросы ученых о том, что они приобрели и чего лишились в результате реформ, демонстрируют, что, признанию подавляющего большинства, отдающего должное и устранению идеологического пресса, и ликвидации учреждений типа Главлита, и свободе общения с зарубежными коллегами, они все же потеряли намного больше, чем обрели, а свобода не компенсирует хронический дефицит финансирования. Следует, впрочем, уточнить, что и свободы они не получили, а просто сменили одну форму несвободы на другую — зависимость от начальства академических НИИ на зависимость от научных фондов, цензуру в лице Главлита на цензуру в лицах тех, кому принадлежат наши СМИ, и т. п.

В книге Л. Грэхэма нашлось место и обсуждению других злободневных проблем нашей науки — утке умов, реализации безумных технологических проектов и т. п. При этом автор делает поучительные выводы не только из нашего российского опыта, но и из его соотнесения с опытом других стран, например Китая. В результате наша глупость, выражавшаяся, скажем, в использовании науки для

«великого преобразования» природы, а точнее, в глумлении над ней, предстает отнюдь не беспрецедентной, что в какой-то мере утешительно, а главная беда ученых и общества в целом выглядит обусловленной тем, что не они распоряжаются произведенным ими знанием.

Книга Л. Грэхэма и сама напрашивается на оценку в сравнительной перспективе — в соотнесении с нашими собственными науковедческими работами, на фоне которых простиупает ее выгодная особенность. В большинстве своем эти работы, похожие друг на друга как братья-близнецы, строятся по стандартной схеме: начинаются тем, что наш известный психолог В. П. Зинченко назвал «плачем Ярославны», хотя вместо слез льются цифры, свидетельствующие, что наша наука разваливается по всем ключевым параметрам; а завершаются гневными выпадами в адрес власть имущих, забросивших науку, и основанными на зарубежном опыте — от американского до китайского — рекомендациями по ее спасению, в основном сводящимися к известной формуле «деньги давай». Нет сомнений в том, что такие труды нужны, абсолютно правильны в своей основе и написаны в лоббистском жанре, который сейчас для спасения нашей науки жизненно необходим. Но ввиду очевидности утверждений и своего близнецового однообразия для человека, регулярно читающего науковедческую литературу, они малоинтересны. В отличие от них книга Л. Грэхэма, написанная не в лоббистском, а в аналитическом жанре, интересна — и оригинальностью высказываемых в ней идей, и тем, что дает пищу для их развития или опровержений.

И все-таки, будучи носителем российского менталитета, трудно удержаться от соблазна кинуть камень в чужой огород, особенно если на нем так много всего выросло. При всей завидной информированности автора, прекрасном знании истории и тонком понимании проблем российской науки, его взгляд на нее — это все же взгляд «со стороны», который, имея целый ряд преимуществ — свежесть, неангажированность и т. д., несколько отстает от быстро изменяющейся реальности и не всегда различает в ней изменения, доступные лишь взгляду «изнутри». Это отставание от реальности особенно отчетливо

проявляется в главе «В какой мере ученые готовы реформировать свои институты?».

Одну из причин незавидной ситуации, в которую попала наша наука, автор видит в ней самой — в ее неразворотливости, в разобщенности фундаментальных и прикладных исследований, в не-рыночных формах организации, в архаичной системе управления и т. п. Главный арханизм нашей науки он видит в *системе управления РАН*: в том, что ее члены сами себя избирают, а не избираются общим голосованием работающих в ее институтах, в том, что звание академика, присуждаемое за научные заслуги, дает право на *управление Академией*, предполагающее совсем другие качества и другой возраст, в том, что сотрудники академических институтов лишены права избирать себе директоров, а, главное, в том, что эта система, построенная по образу и подобию Политбюро ЦК КПСС, сохраняется в абсолютно неизменном виде, оставаясь нечувствительной ко всем демократическим изменениям в нашем обществе. И действительно, логично ожидать, что в демократическом обществе любая социальная структура, в т. ч. и наука, тоже должна быть организована достаточно демократично. А мир знает два типа демократии — прямую и репрезентативную, с каждым из которых система отношений в РАН имеет мало общего.

Но, акцентируя очевидные недостатки российской академической науки и системы управления ею, Л. Грэхэм близок к совершению двойной ошибки. Во-первых, он обнаруживает тенденцию видеть всю нашу науку сквозь призму происходящего в РАН, что несправедливо и в отношении таких видов науки, как, например, вузовская или отраслевая, и в отношении наиболее современных, «рыночных» форм ее организации, таких как научные парки, а также в отношении тех малых предприятий, которые в изобилии созданы на базе большинства институтов РАН. Во-вторых, преподнося консервативность российской науки в качестве одной из главных причин ее многочисленных бед, Л. Грэхэм все же реагирует на ее вчерашний день и противоречит... Л. Грэхэму, который очень убедительно доказывает ее зависимость от внешних факторов — от того общества, в котором она

существует. И симптоматично, что бурные конфликты между академиками и рядовыми сотрудниками РАН, сотрясавшие нашу академическую науку в начале 90-х гг., затем постепенно утихли, и не потому, что проблема была решена — ни в какой мере, а поскольку обе стороны поняли, что во время шторма лучше не раскачивать лодку и не спорить о том, кому держать весла. Среди причин разрушения российской науки консервативность академиков занимает весьма скромное место — хотя бы потому, что от них сейчас мало что зависит, и к тому же многие из них не так уж консервативны, неплохо адаптируясь к многочисленным «черным» и «серым» зонам нашей своеобразной рыночной экономики и уверенно осваивая соответствующие навыки поведения. Молодая же и неконсервативная, например, «парковая» наука сталкивается примерно с теми же проблемами, что старая и консервативная. И это служит очередным подтверждением общей формулы: несмотря на все свои многочисленные недостатки и советские традиции, наша наука обладает вполне приличным рыночным потенциалом, и не она не способна адаптироваться к рынку, а его современный отечественный вариант, основанный не на наукоёмком производстве, а на вывозе сырья и торгово-финансовых действиях. Такой рынок не соответствует запросам научно-технического прогресса.

Впрочем, восприятие Л. Грэхэмом происходящего в российской науке — «внешнее» только в том смысле, что субъект этого восприятия живет в другой стране и не вполне понимает ряд особенностей нашей страны и ее науки, которые, кстати сказать, непонятны и многим из нас. Его книга, основанная на прекрасном знании нашей науки, имеет и еще одно очевидное качество — при всей своей объективности и аналитичности пропитана и *чувствами* к ней — уважением, сочувствием и даже любовью, которые не смог бы испытывать посторонний ей человек. Л. Грэхэм — не посторонний. И российская наука, о которой он пишет, — наша в том смысле слова, что она действительно *наша* — и для нас, живущих в России, и для Л. Грэхэма, так много сделавшего для того, чтобы ее знали и уважали на Западе.

А. В. Юревич